

ТОНКИЕ НАТУРЫ
ПРОЗА ТАТЬЯНЫ ТРУФАНОВОЙ

ТАТЬЯНА ТРУФАНОВА

Почти
подруги

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т80

Дизайн серии и иллюстрация на переплете
Марии Ашихминой

В оформлении переплета использован шрифт «Gordoni»,
разработанный Юрием Гордоном

Все имена и события в произведении вымышлены,
любые совпадения случайны

Труфанова, Татьяна Олеговна.

Т80 Почти подруги / Татьяна Труфанова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 448 с. — (Тонкие натуры. Проза Т. Тру-
фановой).

ISBN 978-5-04-100426-2

Альбина Свирская – прирожденная актриса. Но пока об этом никто не знает. А единственный шанс оказаться замеченной – ходить на пробы и вертеться на киноплощадке. И случай представляется: теперь она личный помощник самой Катерины Жуковой, акулы в мире кино! И пусть на время придется забыть о гордости, терпя капризы начальницы, — Катерина скоро даст ей долгожданную роль. Но можно ли претворить в жизнь мечту, с каждым днем всё больше теряя веру в себя?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100426-2

© Труфанова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

Я хотела быть тебе другом, за это и поплатилась. Наши лучшие дни — ох, я то и дело их вспоминаю. А худшие выжжены соляной кислотой в сердце, не получится их забыть. Ты окрыляла меня, ты ослепляла меня надеждами. Язвила, обсмеивала, неспешно солила раны. Уйти невозможно-остаться — так было. А теперь все кончилось. Потому что я потеряла кольцо, и нет мне прощения.

Вот как вышло: Варя Нижегородцева заскочила в дом на Сретенском бульваре на минуту, забрать нужный Катерине документ. Своим ключом открыла дверь Катинной квартиры. В прихожей у начальницы было черно, как в пещере с сокровищами, лишь поблескивали по сторонам рамы картин, лежали блики на стеклах, прикрывавших драгоценные пастели, глухим золотом пели старинные часы с купидонами. Нос пощекотал знакомый диссонанс Катерининых духов. Вся квартира была перед Варей как доверчиво протянутая рука, двери открыты.

Нижегородцева быстрым шагом прошла мимо прочих комнат в кабинет. Комната — будто жгучий коктейль, сочиненный по вкусу хозяйки. На фоне помидорно-красных стен, как в гуще «блади мэри», мешались стальные стеллажи с книгами, хлесткие советские плакаты, пучеглазые пупсы и фарфоровые простушки, над всем парила фанта-

стическая люстра-молекула, а по центру восседал основательный стол с зеленым сукном. Забрать со стола бумаги — и на выход. Но... рядом с бумагами на столе оказалась черная лаковая шкатулка. Варя ее помнила.

Как неосмотрительно со стороны Кати оставлять такие вещи!

Варвара посмотрела на шкатулку, затем зачем-то открыла дверь на балкон, вдохнула осенний воздух. И как безвольная магнитная стрелка, по дуге вернулась к столу.

Шкатулка холодила пальцы, от пальцев к груди тек азарт. Варя помнила, как Катерина доставала из шкатулки серьги, ожерелья и перстни и давала ей все примерить, смеялась, всматривалась, восхищалась — и в зеркале отражалось не привычное худое и нескладное Варино лицо, но обрадованное лицо царевны.

Ах, какое было время! Ясное, как синяя эмаль майского неба, беззаботное, как беготня пятнашек и прятков...

Нижегородцева раскрыла алый шкатулочный зев. И будто сама упала на ладонь бриллиантовая капля-серьга, подрожала синими и белыми брызгами и была отложена на стол. Затем (опять же само) скользнуло на палец кольцо с золотой змеей. А вот камушки розовые и зеленые, можно придумать, что пустяки, леденцы на фольге. Я только поиграть, понарошку.

С улицы входила холодная свежесть. На зеленом сукне рос сверкающий ковер из цветов и плодов, кристаллов и звезд, и почти к каждому украшению шло в паре воспоминание. Катерина в аметистовом колье вливается в ресторанище, где в броуновском движении циркулируют богатые и знаменитые; позади в полушаге идет Варя, готовая подсказать, подхватить, дать справку, исполнить. Катерина и ее секретарша работают на даче, Варя печатает, сидя в тени корявой вишни; ягодам вторят коралловые шарики в ушах Катерины. Здесь, в этой квартире,

Катерина крутит на пальце простенькое кольцо с рубином, рассказывая, как берегла его бабка. Катина бабушка, дама неземной красоты с черно-белого фото, кинозвезда давно минувших времен, считала кольцо счастливым, с ним на руке встретила первого мужа (лучшего из трех), пела нежным контральто и перед солдатами на фронте, и в Кремле. Бабушка дорожила кольцом больше бриллиантов, не давала никому и только перед смертью сказала внучке высохшим голосом: «Везет с ним. Носи».

Сзади придвинулась тень. Варя обернулась — в кабинет пришла хозяйская кошка. Темно-серая, балованная, она подтекла под Варину ногу, потерлась, мяуканьем потребовала: «Гладь!» и в секунду пружинкой вспрыгнула на стол — к цацкам.

Варя ахнула и замахнулась на нее. Кошка бесшумно метнулась вниз, но тут же звякнуло, покатилося дребезгом по полу кольцо. То, с рубином. И не успела Варя сказать: «Ах», как кошка, игривая дрянь, подкинула лапой колечко, прыгнула за ним, поддала еще лапой — и кольцо перемахнуло через приступку открытой двери, вылетев на балкон.

Нижегородцева пискнула, выругалась, дернулась было к балкону — но бриллианты же..! Она сгребла с зеленого сукна все украшения, сунула их в шкатулку, шкатулку в ящик стола — вне досягаемости дуры-кошки — и тогда уже рванула наружу. У двери она запнулась, ноги ослабели и на балкон Варя вышла, уже зная, что увидит.

Ничего. По коричневой плитке пола гулял прозрачный холодный ветер, просвистывая через завитки и ромбы кованой балконной решетки. В углу невинно сидела кошка. А колечка не было. Вылетело? Скатилось?

Варя посмотрела вниз. Внизу (далеко) тот же ветер ерошил шевелюры желтых кустов, крошечный дворник царापал метлой асфальт, сгребая палую листву, во двор

въезжала жучиных размеров спортивная машинка. На затылок Варя шлепнулась капля. Заплакал дождь, подернулись рябью лужи, и пошла кругом голова, и подступила окончательная тошнота. «А не бросить ли все? Не броситься ли вниз? Пятый этаж...»

С высокого покрасневшего клена, протянувшего ветви к старинному дому, с шумом снялась ворона, заложила мрачный круг над двором и улетела на крышу. Вдруг она утатила кольцо? Нет, что гадать... все равно не найти.

Варя все же спустилась во двор. Она ходила по влажным, проседающим под ногами газонам, наклоняясь к траве, бурым листьям, оберткам, шаркала по дорожкам, утирала лицо от мелкой мороси и безнадежно заглядывала в пахнущую бензином темноту под припаркованными машинами. Ничего, конечно же ничего. Счастливое кольцо Катерины пропало безвозвратно.

Нижегородцева представила себе Катерину, узнавшую о пропаже. Как багровеет ее красивое лицо, глаза закипают злостью, рот изрыгает первый пушечный выстрел, а затем... фантазия Вари трусливо умолкла, и пересохло во рту.

Финита. Нет прощения.

Есть! Варя встряхнулась. Ее вдруг осенило, что надо сделать. Прочь со двора, прочь от дома на Сретенском бульваре! Через три минуты она уже нырнула в метро.

Был способ скрыть пропажу. То кольцо было самым простым: золотой ободок и на нем небольшой овальный рубин, размером с каплю крови. Где-то, в каком-нибудь московском антикварном или ломбарде, наверняка лежит похожее кольцо... Впрочем, это не важно, потому что не было времени на поиски по ломбардам, зато Варя знала, где можно взять такое же сразу.

У нее самой, дома. Любимое колечко детства, мамин, которое когда-то свободно болталось на каждом из

Вариных пальцев, но зато превращало ее в принцессу, фею Фату-Моргану, Золушку на балу... Когда-то. Мама его уже не носила (пальцы стали толще), отдала дочке. Когда Варя впервые увидела у Катерины ее кольцо, то промолчала о своем, но сама внутри засияла от этого совпадения — почти родства. Ну, вот и пригодится родство.

Через полтора часа, запыхавшаяся, она влетела в Катерину квартиру.

Из кухни развеселой хохломой гремело радио — пришла домработница Люся. Варя заглянула к ней поздороваться.

— Я на минутку, бумаги забрать.

— Все ты бегаешь, как электровеник. Сядь, попей чаю! Или думаешь, без тебя никак? Незаменимая?

— Если бы! — нервно закашлялась Варя. — Незаменимых у нас нет...

Она вошла в кабинет и бросилась к шкатулке. Бряк — в пустую ячейку легло колечко с кровавой капелькой. И все — уже оно не твое. На секунду Варю пронзила жалость, но она смахнула ее. Сама виновата! Зачем полезла? Она виновата перед Катей, тут уж ничего не попишешь. И то, что она отдаст, — не зачтется за полную замену. Сгнуло кольцо, переданное Катерине знаменитой бабкой, приносившее удачу (а кто знает? может быть). Эта Варина вина останется.

«Ба-арыня-барыня!» — запел мобильный. Варя судорожно схватила трубку.

— Варь! — рывкнул голос. — Где тебя носит? За смертью посылать!

— Сейчас, сейчас, извини! Я спешила как могла, пробки... — залепетала Варвара, захлопывая шкатулку, подхватывая бумаги, вылетая из гулкой, роскошной начальственной квартиры.

По мокрой улице, крапчатой от желтых березовых листьев, шла невысокая смуглая девушка. Зевала. Вчерашняя смена затянулась до четырех утра, кому такое понравится? А сейчас днем небо темное, пасмурное, будто тоже не выспалось, зато воздух — как прохладное желе, лезет в рот и бодрит.

Девушка направлялась к автобусной остановке, у которой уже стояли четверо подростков. Две «барби» в милых курточках, при них переминается ровесник (и старается одну из симпатяг приобнять) и еще толстуха в нелепых полосатых колготках; всем им лет двенадцать.

Смуглая девица протиснулась мимо них, села на скамью внутри остановки, одернув короткую юбку. Прикрыла глаза. Подростки примолкли при ее появлении, но скоро снова заговорили. Девушка делала вид, что дремлет.

— ...надо же было такое ляпнуть! Все угорали.

— Эй, жировик, ты в кого такая тупая?

В ответ — молчание. Похоже, здесь повторялась банальнейшая сцена школьной жизни: «загни толстуху». Смуглая скосила глаза: у понурой толстой парии на конце носа дрожала сопля-слеза, она упорно изучала асфальт, пока одноклассницы прохаживались на счет ее обжорства, одежды, ай-кью и т.п., а одноклассник попинывал ее рюкзак.

Девушка достала мобильный.

— Але, Руслан!

Голос у красотки оказался неожиданно грубый, похожий на визг шин.

Отпустив пару любезностей, смуглая начала жаловаться собеседнику на недавнюю свою смену. И оказалось, что ее работа сплошь состояла из близких контактов с мужчинами, причем не абы какими, а с самыми неподходящими: один воняет, у другого на жопе фурункул, третий вообще тупой, а потом еще пришел говнистый хрыч, член как у микроба, а претензий на вагон...

Подростки немедленно прекратили пинать рюкзак одноклассницы и развернули уши пошире.

Далее смуглая поинтересовалась у собеседника, ищет ли он по-прежнему малолетних. Угукнув пару раз, выслушавшая ответ, она звучно харкнула на тротуар и спросила компанию:

— Эй, детки, вам домой не пора? Родители не заждались?

— Не твое дело. Гуляем сколько хотим, — ответили детки.

Девушка отвернулась от них и стала нахваливать собеседнику этих троих: мол, девчонки свеженькие, мальчик — персик, и пойдут они нарасхват, к ним клиенты в очередь будут становиться, ты, Руслан, подъезжай прямо сейчас, пока красавцы здесь, их по-любому дома никто не ждет.

На протяжении ее разговора глаза у «барби» округлялись, мальчик стал отодвигаться подальше, а когда смуглая сказала Руслану: «Запихнешь их в джип — и все дела» — девчонки, схватившись за руки, помчались прочь по улице, а за ними полетел их приятель.

— Стойте! Засранцы! — ругалась вслед смуглая.

Парня, утирая рукой сопли и приседая, пыталась незаметно оттащить свой рюкзак от опасной девушки.

Вдруг ей под нос чья-то рука подsunула бумажный платок.

— Да не бойся, — сказал мягкий голос.

Плакавшая подняла глаза. Перед ней была вроде та же смуглая девушка, но — другая. Не оторва, хотя и не панинка. Младше. Глаза смешливые, нос с горбинкой и вообще лицо очень даже симпатичное. Солнечное лицо.

— Враг позорно сбежал.

Толстушка взяла платок, молча высморкалась и тем же бумажным комком стала оттирать рюкзак от грязи,

косясь на темноволосую девушку. Та взгляделась в даль улицы.

— Ага, вот и мой автобус!

— Ты... ты их разыграла?

— Чтооо нааша жизнь? Иигрра! — пропела черноглазая. — Вот, держи еще платок. А если не можешь отбрехаться, просто бей в нос.

Смуглая девушка заскочила в раскрывший с шипением двери автобус и помахала изумленной толстушке из-за стекла. Автобусная остановка с налипшей бахромой объявлений и девочка с рюкзаком поехали вправо и через секунду скрылись из вида. Аля хмыкнула. «Засунь их в джип», — сказала она себе под нос. Ха! Так вам!

Она пристукивала носком туфли по металлическому полу. В крови бурлил адреналин — как всегда после представления. Перед глазами плясали выдуманнный Руслан, бордель с красными диванами и выдуманная девица с голосом резким, как визг шин. Ай да я!

Когда-то ей пришлось разбить губу одной девчонке, чтобы в классе Алю перестали дразнить «обезьяной». Впрочем, незачем это вспоминать. Лучше вспомнить вечер, когда ей, вышедшей к краю рампы на поклон, аплодировала половина школы — в том числе те, кто кричал пять лет назад: «Чи-чи-чи, подай кирпич». Кто-то вручил ей букет тигровых лилий, и они оставили след желтой пыльцы на Алином платье — там, где прижала их к груди.

Она откинула длинную прядь волос и, приобняв поручень, уставилась за окно автобуса. Монотонно мелькали окна многоэтажек, пробегали пластиковые вывески, мимо стелилась однообразная пестренькая бязь московской окраины. Аля сама была закутана в эту бязь, как в кокон; например, вчера она разносила тарелки — не более заметная для посетителей кафе, чем кофейный автомат на барной стойке; каждый день путешествовала через толпы не-

знакомых людей, скользивших по ней взглядами; вот как в этом автобусе. Они думали: еще одна девчонка, не стоит внимания... Эй! Хелло! Вы еще узнаете, на что я способна!

ГЛАВА 2

Было ли, не было, а только бывает еще не такое. Славик, молодой человек двадцати пяти лет с глазами ясными, как два голубых колодца с девственно-чистым дном, молодой человек в модных ботинках с узкими носами и нашитыми поддельными крокодилами, молодой человек, державший в карманах две пачки сигарет — британские для производства впечатления на девушек и болгарские для непосредственно курева, сидел в роскошном черном джипе.

Славик не имел ни выдающихся талантов в бизнесе или спорте, ни папы-миллионера. Как же он оказался за рулем машины стоимостью в семьдесят тысяч долларов? Увы, самым заурядным способом: Славик был водителем. Стоит отметить, что у Славы Саврасова все же имелись два таланта: во-первых, водил он великолепно, а во-вторых, никогда не отчаивался.

В боковом зеркале Славик увидел сорокалетнюю брюнетку с пышным бюстом, приближавшуюся к джипу. Дама шествовала с энергией атомохода, впечатывая каблучки в асфальт. Ветер попробовал было поворошить ее каре, но решил поостеречься. На ее холеном, слегка кошачьем лице скорее отражалось прилежание дорогого косметолога, чем возраст. Брючный костюм рапортовал о повышенной платежеспособности своей владелицы, а также скрывал лишние выпуклости и выпячивал нужные. В общем, это была женщина в самом соку — и Славик при виде ее с сожалением вздохнул. Не про его честь!

Спохватившись, Саврасов выскочил из машины и распахнул заднюю дверцу перед холеной дамой.

— Нет, хочу вперед, — буркнула сорокалетняя красотка и едва не снесла Славика на пути к двери.

Катерина Жукова — а это была хозяйка Саврасова, продюсерша Жукова, — устроилась на правом кожаном сиденье цвета топленого молока, а водитель занял место слева.

— Домой — или?..

— Никаких «или», — отрезала Катерина. — Я устала, как сволочь. Пока не пнешь — никто не почешется! Чертова страна!

Славик понимающе вздохнул, выезжая со стоянки.

— Один человек из ста умеет работать. И один из ста — хочет. Причем это разные люди! Мама-Раша, вот так мы живем.

— Кошмар! — закивал Славик. — Я считаю, если не умеешь заработать своим трудом...

Что ждет не умеющих зарабатывать своим трудом, осталось неизвестным, так как Жукова стянула с маленьких рук лайковые перчатки и вместо того, чтобы положить их в сумку, как делала обычно, открыла бардачок. Нутро бардачка выплонуло ей на колени фейерверк разноцветных лотерейных билетов.

— Е-мое! — воскликнула Жукова. — Это что за шапито?

Славик зарделся, как божья коровка.

— Да ты у нас веришь в чудеса, оказывается! Двадцать пять лет, а мальчик все ждет Деда Мороза... И зря. Ни единого выигрыша нет, — заметила Катерина, перебирая карточки с изогнувшимися в прыжке спортсменами, винторогими козлами и знаками зодиака.

Все это были билеты мгновенной лотереи, везде серебристый защитный слой был стерт, но под ним не обна-

ружилось ни одного клада — если не считать выигрыша в десять рублей, которым только нищих смешить.

— Зачем хранишь? — поинтересовалась начальница. — Тебе дырки от бублика не нужны для коллекции?

Славик уже оправился от смущения, его длинное конопатое лицо вернулось к привычному оттенку и сейчас выражало упрямство и некоторую обиду.

— Я для расчетов храню. У меня, между прочим, все по науке, — сказал он.

— Оч-чень интересно! Поделись, что за наука, не томи.

— Вы про теорию вероятности в курсе?

Катерина изумилась, услышав такие слова от своего шофера.

— Ну, где-то как-то...

— В этой лотерее — я по тиражу прикинул — шанс выиграть хорошую сумму один к пятидесяти тысячам.

— Негусто!

— А вот дальше начинается математика. Во-первых, люди, которые покупают лотерейные билеты регулярно, выигрывают в три раза чаще. Я на автомобильном форуме читал, это ученые доказали.

— Потрясающе!

— В три раза чаще — значит, делим мои шансы на три — получается приблизительно один из семнадцати тысяч.

Катерина с серьезным лицом внимала.

— Во-вторых, я везучий на бабки. В детстве, например, я все время деньги на земле находил. Друг мой, Валерка, — ни одной, а я — постоянно. Я посчитал однажды: я где-то в пять-семь раз везучей его! — вдохновенно рассказывал Саврасов, не забывая рулить. — Если в среднем я в пять-семь раз везучей, то поделим семнадцать тысяч хотя бы на шесть и — фигасе! — вероятность уже один к трем тысячам.